

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

5.

Стр.

- 5 Изъ писемъ **А. Я. Вулгакова** къ его брату. 1812-й годъ.
37. Записки **М. С. Сабитиной**. 1848—1850 годы.
- 68 Письма **И. А. Гончарова** къ **А. А. Фету**. 1861—1888.
75. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 годовъ. **Д. В. Бартекена**.
82. О книгѣ **В. О. Ключевского**: „Краткое пособіе по Русской исторіи“. Статья **С. И. К.**
93. Записка о Писцѣ **Лигаридѣ**. **Е. И. Козубскаго**.
95. Могила княгини **З. А. Волконской**.
96. Письма **М. М. Сперанскаго** къ **А. О. Имбергу**. 1825—1838.
105. Цапли. Шуточные стихи стараго времени
106. По поводу статьи о пребываніи **А. С. Пушкина** въ Бердѣ. **П. Л. Юдина**.
110. Изъ воспоминаній **баронессы М. П. Фредериксы**: Пашинъ Османъ-паша.
112. **Г. А. Чертковъ**. Некрологъ.
- Автобіографія **Суворова** съ его портретомъ. **Ю. В.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Въ Январскомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ за сей годъ напечатана статья „А. С. Пушкинъ на Бердахъ“ (sic). Авторъ ея Н. Г. Ивановъ—членъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

На первыхъ же строкахъ этой статьи читаемъ, будто Пушкинъ, прибывъ въ Оренбургъ, сначала „представился“ (sic) военному губернатору, В. А. Перовскому ¹⁾ и „передалъ ему о цѣли своей поѣздки“, а потомъ уже „былъ имъ обласканъ“. Этого не могло быть на самомъ дѣлѣ: всѣмъ извѣстно, что Перовскій, любимецъ Николая Павловича, еще задолго до назначенія своего въ Оренбургъ, водилъ знакомство съ Пушкинымъ.

Выписавъ далѣе изъ нашей статьи (въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1899 г., V, стр. 138), о томъ, въ чьемъ домѣ квартировалъ Перовскій и гдѣ находится этотъ домъ въ настоящее время, г. Ивановъ приписываетъ себѣ *инициативу* ознаменованія мѣстопробыванія Пушкина въ Оренбургѣ надписью, хотя объ этомъ писалось въ вышеуказанной нашей статьѣ гораздо ранѣе, чѣмъ авторъ успѣлъ прочесть свое произведеніе въ торжественномъ засѣданіи Оренбургской Архивной Комиссіи 26 Мая 1899 г.: ибо книжка „Русскаго Архива“ съ нашей статьей была получена въ Оренбургѣ 7 числа того же мѣсяца.

Страннымъ является указаніе въ статьѣ такихъ источниковъ, какъ напримѣръ, „Исторія Оренбургская“ и „Топографія Оренбургской губерніи“ написанная Рычковымъ въ 1759—62 гг., и дѣла Оренбургской Духовной Консисторіи, которыя совершенно ничего не имѣютъ общаго съ Пушкинымъ и его поѣздой. Вѣроятно, этими ссылками г. Ивановъ хотѣлъ подтвердить нѣкоторыя свои описанія мѣстностей, посѣщенныхъ поэтомъ, хотя и тутъ не избѣгнулъ ошибокъ. Такъ, напр., онъ пишетъ: „Бердскій поселокъ, называвшійся раньше *Бердской слободой*, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 году, сначала на р. Яикѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Оренбурга“. Между тѣмъ въ той же указываемой авторомъ „Исторіи Оренбургской“, §§ 123, 139 и 143, ясно говорится, что Оренбургъ заложенъ 19 Апрѣля 1743 г. *при* Бердской крѣпости (а не слободѣ, какъ увѣряетъ г. Ивановъ), которая была основана на мѣстѣ нынѣшняго форштадта (Оренбургская станица), ст. с. Кирилловымъ въ 1736 году. Названіе „слободы“ она получила уже послѣ перевода сюда въ 1743 году 550 казаковъ и дворянъ изъ гор. Самары, Алексѣевска ²⁾ и

¹⁾ Кстати сказать, въ то время бывшему только въ чинѣ генераль-маіора, а не генераль-адъютанта, какъ его величаетъ г. Ивановъ.

²⁾ Нынѣ село Алексѣевское, въ 25 верстахъ отъ г. Самары.

Уфы, когда часть ея жителей была выселена на теперешнее мѣсто, на р. Сакмару, какъ это видно и изъ указываемой г. Ивановымъ „Топографія“ Рычкова, стр. 245—246, и изъ дѣлъ Оренбургскаго войскового архива за 1755 г., № 37, наконецъ, изъ „Списковъ населенныхъ мѣстъ Оренб. губ.“ стр. 120, изъ „Памятной книжки Оренб. губ. на 1895 г.“, отд. II, стр. 8, и даже изъ дѣлъ Оренбургской Духовной Консисторіи, которыхъ, кстати сказать, авторъ не видѣлъ въ подлинникъ, а выписалъ необходимыя даты изъ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Для описанія дѣйствій Пугачева въ Бердѣ, г. Ивановъ пользовался исключительно одной Пушкинскою „Исторіей“ (хотя о томъ въ настоящее время есть болѣе полныя и вѣрныя изслѣдованія). По крайней мѣрѣ, онъ допустилъ въ своей статьѣ тѣже ошибки, какія встрѣчаются и въ ней. Напр., сообщеніе Пушкина, какъ „Пугачевъ, пародируя, называлъ Татарскую деревню Каргале (sic) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ Кіевомъ и Берды (?) Москвой“. Поэту, бывшему въ Оренбургѣ всего три дня, легко было, конечно, забыть или не узнать въ точности названія мѣстностей и деревень; но г-ну Иванову, живущему тамъ безвыѣздно болѣе 30 лѣтъ, непроситительно не знать, что въ Оренбургскомъ краѣ нѣтъ деревни „Каргале“, а есть *Каргала*, получившая свое простонародное названіе отъ рѣчки Каргалки, близъ устья которой она расположена.

Вѣрно у г. Иванова, что „печальная память о Пугачевѣ сохранилась“ въ Бердѣ, только не „въ видѣ кургановъ, называемыхъ Пугачевскими сопками“ (?), потому что послѣднихъ вообще нѣтъ въ Оренбургской губерніи, и самое названіе *сопки* мало кому извѣстно, особенно простолюдинамъ. Въ Бердѣ же и ея окрестностяхъ не видно даже ни одного кургана, съ существованіемъ котораго было бы связано хотя малѣйшее воспоминаніе о Пугачевщинѣ. Если же и есть что-либо подобное, то сравнительно далеко отъ Бердѣ. Близъ Сакмарска, не далѣе версты на Юго-западъ, указываются, на примѣръ, два небольшіе холма, круто спускающіеся на луговую сторону, которые носятъ названіе *Палаточныхъ горъ*, и мѣстные казаки, потомки бывшаго Яицкаго войска, смѣло увѣряютъ, что на нихъ стояли палатки Пугачева, во время его пребыванія въ Сакмарскомъ городкѣ (1-го Октября 1773 г.). На Сѣверо-западъ, верстахъ въ двухъ, гора *Виспелейная*, гдѣ были Пугачевскія висѣлицы, а еще сѣвернѣе, приблизительно въ верстѣ отъ послѣдней, на правомъ берегу Салмыжа, круто возвышается надъ рѣкой *Рублевая* гора, гдѣ мятежники будто бы рубили непокорныхъ и спускали ихъ головы въ рѣку. Но исторически это ничѣмъ не подтверждается, и существуетъ иное, болѣе достовѣрное, сказаніе, что названіе этихъ горъ тѣсно связано съ пятымъ Башкирскимъ бунтомъ, продолжавшимся съ 1735-го по 1740-й г., и усмиреннымъ благодаря чрезвычайнымъ строгостямъ командира Оренбургской комиссіи, князя Урусова. Въ то время Сакмарскій городокъ былъ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на границѣ съ Башкиріей, отдѣляя ея послѣднюю отъ Киргизской степи; и вотъ здѣсь, подъ защитой отчасти Русской крѣпости, а затѣмъ Киргизовъ, враговъ Башкирскихъ и

были произведены „многія казни“ бунтовщиковъ. „15-го Іюня (1740 г.) князь (Урусовъ) прибылъ въ Сакмарскъ, гдѣ съ штабъ-офицерами о усмирении воровъ Башкирцевъ, съ которыхъ сторонѣ и какимъ образомъ дѣйствовать и поступать, учиненъ генеральный конспіумъ“¹⁾. Въ одинъ 1740 годъ было казнено, сослано въ каторгу, сдано въ солдаты и роздано въ рабство до 30 тыс. человѣкъ; разорено до 700 Башкирскихъ деревень, отобрано разнаго скота столько, что отъ продажи его было выручено 10 т. рублей.

На Рублевой горѣ, по крутому ея склону, гдѣ съ величайшимъ трудомъ можетъ карабкаться человѣкъ, до сей поры видна гладкая, никогда не заросшая тропинка. По ней, говорятъ окрестные жители, въ мутныя воды Салмыжа скатывались съ вершины казенныя Башкирцы...

Къ сожалѣнію, Пушкинъ не посѣтилъ этихъ мѣстъ, чтобы воспользоваться сказаніями о нихъ для своей „Исторіи Пугачевского бунта“. Вокругъ же Оренбурга не было ничего поэтического. „Природа“ осмотрѣнныхъ имъ „Бердскихъ окрестностей“, увы, далеко не представляетъ столь „живописной“, какъ ее рекомендуетъ г. Ивановъ. Рѣка Сакмара протекаетъ въ своихъ берегахъ, совсѣмъ не „густо поросшихъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, гдѣ водились (?) хищныя звѣри“ (!). Напротивъ, еще во времена Неплюева (1742—1757 гг.), не говоря уже о временахъ Перовскаго (1833—1842), не только строевой лѣсъ, но даже дрова доставлялись въ Оренбургъ сплавомъ по р. Сакмарѣ изъ Башкиріи. Окрестъ, по берегамъ рѣчнымъ, только кое-гдѣ были небольшія рощицы ветель и осокорей, а дальше разстилалась степь-матушка, широкая, открытая, привольная. Селенія лишь начинали появляться, обработанныхъ полей было мало, а если и имѣлись у кого огороды, то только на своихъ большихъ дворахъ, гдѣ, конечно, не было надобности имѣть колодезныхъ „журавлей“²⁾; особенно въ Бердѣ, когда, по даннымъ того же г. Иванова, рѣка Сакмара „подходила къ самому поселку“, т. е. какъ разъ по тѣмъ „поемнымъ мѣстамъ“, на которыхъ въ настоящее время находится Бердскіе огороды.

Описавъ такимъ образомъ картинно несуществовавшую въ дѣйствительности „живописную природу“ Бердѣ, гдѣ когда-то разгуливали шайки мятежниковъ и которою потомъ любовался нашъ безсмертный поэтъ, г. Ивановъ приводитъ нѣсколько разсказовъ, записанныхъ будто бы Пушкинымъ со словъ Бердскихъ казачекъ. Изъ нихъ особенно сомнителенъ „эпизодъ“, какъ попъ въ Бердѣ отказалъ Пугачеву „помянуть государыню Устинью“ и за это не понесъ никакого наказанія. Между тѣмъ немало печатныхъ произведеній и много архивныхъ документовъ доказываютъ намъ, что въ то время духовенство, едва отличавшееся отъ простолюдиновъ, положительно вѣрило въ царственное происхожденіе самозванца. И не только въ глухихъ селеніяхъ Пріуралья, но даже въ болѣе просвѣщенныхъ городахъ Поволжья попы встрѣчали его съ иконами и крестами, служили благодар-

¹⁾ Ист. Оренб., § 95.

²⁾ Не лишнимъ будетъ еще замѣтить, что у насъ, въ Оренбургѣ, казаки называютъ колодезные журавли „оцѣпами“.

ственные молебны и поминали „съ супругой“ на ектеньяхъ. Ослушаться велѣній непризнаннаго императора никто не могъ, и если бы Бердскій попъ рѣшился воспротивиться требованіямъ Пугачева, то, даже при крайнемъ снисхожденіи самого предводителя, его не помиловали бы казаки, ради поддержанія престижа своего „царя“, дабы неповадно было другимъ...

Но еще сомнительнѣе сообщеніе г. Иванова о доносѣ Бердскихъ казаковъ Перовскому, что „къ нимъ пріѣзжалъ неизвѣстнаго званія челоувѣкъ (т. е. Пушкинъ), подбивалъ подъ Пугачевщину“ и т. д. Прежде всего напрашивается вопросъ, когда именно „по отъѣздѣ Пушкина изъ Берды“, и притомъ въ такой короткій срокъ (одинъ день, а можетъ быть и еще того меньше), казаки могли успѣть „собрать сходъ“, написать приговоръ, „смастерили донесеніе“, послали его Перовскому, который не только успѣлъ его распечатать и прочесть самъ, но еще прочелъ его во время прощальнаго обѣда (?) Пушкину. Во-вторыхъ, такъ какъ это донесеніе было письменное, на бумагѣ, то, судя по той заботливости, съ какою Перовскій относился къ сбереженію дѣловыхъ бумагъ и архивныхъ документовъ, есть положительное основаніе предполагать, что оно должно сохраняться въ дѣлѣ о пребываніи поэта въ Оренбургѣ (за 1833 г., № 78). Однако, ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ дѣлахъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора ничего такого не имѣется. Правда, былъ похожій этому случай, но только гораздо позднѣе, именно въ семидесятыхъ годахъ, съ инспекторомъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Кудеевскимъ (теперь покойникомъ), котораго, въ дѣтствіе его худого тѣлосложенія, высокаго роста и длинныхъ ногтей на длинныхъ же сухихъ пальцахъ, казаки-старовѣры считали за антихриста и не разъ жаловались на него начальству, что онъ, по предписанію Оренбургскаго губернатора и наказнаго атамана Оренб. каз. войска, ген.-м. К. Н. Боборыкина, настойчиво требовалъ обязательнаго заведенія школъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ. Не смѣшалъ ли г. Ивановъ этотъ случай съ имъ разсказаннымъ случаемъ?

Отыскавъ въ архивѣ указанное нами выше дѣло подъ № 78, г. Ивановъ говоритъ, что дѣло это „нигдѣ не опубликовано“. Но стоило бы ему заглянуть въ Яиварскую книжку „Русской Старины“ за 1883 годъ, и онъ нашелъ бы его напечатаннымъ... А между тѣмъ, въ предисловіи къ своей статьѣ, между прочими источниками, онъ указываетъ и „Русскую Старину“.

П. Юдинъ.

Астрахань.